

запертых дверей фабрик, поджидая землекоп, надвигая на них рекоманды, или отпихивая на тот или иной рынок, где горючих устройств «биржи труда», на видь колонию, по отпавшимся зямю деревняных навозов, а то и просто погулявать на открытом воздухе? Чаше всего приходится именно погулять таким образом, за неимением даже таких приватных «бирж труда», как простые деревенские навозы на бараки.

В большинстве наших городов, между прочим, и в Томске, — уже только вопрос об одной прислуге является «критическим» и ожидает воздействия со стороны городских управлений.

Петербургский дух еще несколько лет тому назад признался разработать выработанный комиссией при градоначальнике проект положения о личной наемке и контроле частной прислуги в Петербурге и пригородных уездах. Подготовительная городская комиссия, рассматривавшая этот проект, утвердила, что урегулирование отношений между наемателями и наемниками, в частности, и на основании общих гражданских законов, составляет прямую обязанность и право городского общественного управления. Сообразив с этим и другие положения комиссий, петербургская дума тогда же выработала проект учреждения особой городской посреднической комиссии, из которой урегулирование дела наемки прислуги. Но в теории вопрос ставился еще шире. Указывая на необходимость открытия ей помощи участником, поочередно такой центральной городской комиссией для наемки прислуги и прислуживать работ, вообще, безработным, «св которой должны ежедневно собираться свидания о спросе на труд и о количестве незанятых рабочих сил, с обозначением профессий наемщиков». Задача подобной центральной комиссии, которое бы объединило на широкую основу общегородскую и частную инициативу в деле борьбы с нищенством и безработицей, представляется весьма значительной, а для крупных городов — даже и невозможной. Существующий шаг в петербургский дух проект учреждения при городской управе особого благотворительного органа, а также и особой «биржи труда» — являясь, при своем практическом осуществлении, к которому уже приступлено, одной из наиболее полных и удачных форм разрешения вопроса о содвигании города безработию населения.

Рабочая армия нежд и всуду возрастает. «Во полях, — как справедливо замечает «Кур», — предоставит случаю или удаче. А между тем, и сейчас каждый день рабочие остаются без работы в то самое время, как хозяева нуждаются в рабочих. Это наносит ущерб и тем и другим. Рабочий без работы — это кандидат на все виды преступлений, а те и другие обходятся городу во много дороже, чем содержание самой легкой биржи труда».

Всякая естественная потребность, чтобы данный вопрос получал какое-нибудь движение и в Томске, совершенно лишенное учреждений по урегулированию спроса и предложения различных форм труда.

Необходимость подобного учреждения в Томске красноречиво сказывается тем, что уже по отношению к прислуге. Объявления в местных газетах и в дело встретить предложения инициативы места прислуги. И в то же время тысячи обывателей при каком удобном и доступном случае ропщут на недостаток прислуги. Такое явление единично может считаться нормальным.

С другой стороны, учреждение «биржи

труда» в той или иной форме представляется важным для Томска и по отношению к местному нищенству, непонимание которого заставляет обзавестись к «бирж» по возможности его уменьшению путем предупреждения. Содействие же осуществлению населения в прислуживать им работа — есть именно одна из таких «бирж», предупреждающих переход трудящихся обитков к нищенству или даже преступности.

Дальний Восток.

Театр и музыка в Японии.

Маркиз Ито поместил в газете «Токио-нин-чю» за 18 сентября его года статью, в которой выразил свой взгляд на современное состояние японского театра. Приводя здесь некоторые выдержки из этой статьи. «Собственно говоря, замечает автор, театральное искусство в Японии с незапамятных времен было поставлено в такие неблагоприятные условия, что оно не могло удовлетворить даже самым незапывающим запросам низших классов населения. Что же касается интеллигентного общества, то оно, разумеется, уже не в каком случае не могло довольствоваться подобной вылазкой. Как само искусство, так и зрители его находились в крайнем унижении и даже презрении у всех слоев общества. (Актеры и пении — были синонимами). Только за последние времена, благодаря энергичному вмешательству высших образованных и влиятельных лиц, появилось стремление улучшить положение театра.

Но, продолжает маркиз Ито, само собой разумеется, что прогресс сценического искусства возможен только при условии успеха искусства музыкального. Развитие того и другого должно идти рука об руку и успехи одного должны непременно отразиться благоприятным образом и на другом. Как бы ни были талантливы актеры, каковы бы сценические даровы они ни обладали, но если музыка поставлена не на должную высоту, театр не достигнет своей цели. В каком же положении в настоящее время находится в Японии театр и музыка?

«Генерал-адъютант Курошатики, во время своего пребывания в Японии сказал мне: «Промысловый прогресс в народное просвещение Японии привнес на поля сильное впечатление, но далеко нельзя сказать того же о развитии японской музыки». Вплоть до сих пор с «милостью военного министра, я прибавил: «Не составляет особенного труда воспитать аполоний в военном духе и научить их держать в руках ружье, но очень трудно приучить японский народ управлять с музыкальным инструментом».

И действительно, в Японии музыка не в фаворе, народ не любит видеть, ни играть и в этой стране существуют лишь музыкальные-профессионалы. Поэтому являлось вполне естественным познание музыки у европейцев, что и было сделано музыкальным институтом г. Токио.

Маркиз Ито пишет: «Музыкальный Институт в г. Токио, состоящий из студентов и студенток, с глубочайшим сожалением смотрит на отсутствие у нас своей оперы и уже давно предлагал познание искусства опера и перенести на японскую почву европейскую оперу. Многие оперы были рассмотрены, приняты в соображение, и наконец общий выбор остановился на одной из них, а именно на опере «Орфей» Глюка.

Строения европейского искусства, как и в действительных студенток и студентки, переводить в влиятельный, пыльный крик.

Ваша думает. Старый учитель говорил ему, нужно любить маму. Ваша знает. Ваша любит. Но ему обидно за маму. Если бы он был большой и сильный, он выгнал бы этих пьянчиков. И тогда он сам мог бы привозить такой большой хлеб. Но Ваша — маленький, маленький и ничего не может сделать. Ваша в бесконечной злобе скривилась кулаки.

Планы сшить, тускло мигал, овещает маленькое тело, забившееся в угол. С маленькими черными глазами и скитания кулаками. Тень маленького тела отражается на стене уродливыми и безобразными линиями. За перегородкой пылая разгульная гостиная. Если бы у Ваша был сильный голос, он бы так крикнул, что пьяные гости непременно разбежались бы.

В чемучайчик? Кто. Большой и черныя пятны походят над Вашою головою, но Ваша его не видит. Ваш хочется крикнуть. Но Ваша знает, что этого нельзя. Мама сверху рассердится, а потом будет плакать. Ваша этого не хочет.

Что-то слышно и злобно скривилась Ваню-но сердце. О драки крикнуть. Крикнуть чтобы они разбежались.

Музыкального Института, так и из окончивших уже курс, приступаю к вопросу о театральном реформе, вполне справедливо замечая, что поручить столь дорогое дело лишь двум старым актерам, как думают с устаревшими понятиями и приверженцами старины, было бы шагом очень рискованным и кроить вреда не к чему бы хорошему не пошло. Поэтому они ринули в нас самих себе инициативу в этом деле, т. е. быть как руководителем, так и исполнителем. Инициатор образовал общество под названием «Какеки-канкиюкай», во главе которого стал один из профессоров Музыкального Института италянец Нораи-пери, и его главным помощником профессор Токио-ского университета г. фон-Коберг. Знает же незначительные средства, с которыми общество открыло свою деятельность, японский музыкант Ватабэ явился на помощь обществу и из собственных средств пожертвовал довольно крупную сумму — 10,000 йен.

И вот возмел молодые актеры, выбранные из членов же общества, с жаром принялись за свои роли, и после нескольких репетиций 23 июля в саду Уэно с громадным успехом исполнили переведенную на японский язык оперу «Орфей».

В числе инициаторов других слушателей присутствовало более 300 человек, пользующихся большою популярностью в литературе и художественной жизни г. Токио. Опера произвела сильное впечатление на слушателей и вызвала бурный восторг.

Со этого времени общество «Какеки-Канкиюкай» обратило на себя общее и вполне заслуженное внимание всех слоев общества. В виду такого успеха предложено было и на будущее время ставить на японской сцене европейскую оперу. Цели общества в том, чтобы прежде всего заинтересовать японскую публику и воспитать в ней вкус к европейской опере, а потом постепенно вытеснить окончательно со сцены устаревший беззастенчивый произведений завышающего предания искусства и на европейской основе создать японскую оперу.

Сибирская жизнь. ХРОНИКА СИБИРИ.

Переселенческая реформа. Вост. обозр. сообщало, что с 1905 года переселенческое управление децентрализуется. По проекту предстоит образованье два самостоятельных колониальных управлений; одно будет функционировать в Сибири, другое — на Кавказе.

В компетенцию этих управлений, помимо тех функций, которыми влдеает переселенческое управление в настоящее время, войдет также и образованье переселенческих и запасных участков, т. е. чл. партий по образованью переселенческих участков, находящихся в влиднии министерства земледелия и государственных имуществ, должны будут перейти в министерство внутренних дел.

Нельзя не прибавить, — говорит газета, — децентрализация, т. е. при прежнее порядке сношений с Петербургом решений по поводу важных и маловажных вопросов приходилось ждать для Иркутска, напр. больше месяца, не говоря уже вообще о преимуществах системы децентрализации предъ прежней системой управления.

Убиток Сиб. ж. дороги от переселенцев. По распоряжению министерства ду-

той сообщения, на Сибирской желвзной дороге произведено подвешивание, что обходится и что дает переозка переселенцев. Для этой цели подробно описывались некоторые поселенческие поезда, ч. в. считывалось число их вагонов, количество находившихся в них переселенцев и их клади, высчитывалась выдуча, которая должна поступить в кассу дороги за перевозимых людей и товар, и стоимость эксплуатационного расхода самой дороги. Оказалось, что перевозка переселенцев, вопреки державшемуся в обществ мнieniu, что она во всяком случае, безубыточна для дороги, далеко не покрывает связанных с нею расходов, и одна Сибирская дорога несет по ней ежегодно 300 — 400 тысяч руб. убытка, не включая в эту сумму экспортных расходов на врачебно-санитарных пунктах, по оборудованию санитарных и других вагонов и т. п. Между тем, на Сибирской дороге переселенцы следуют особенно густой массой и эксплуатационные расходы по их перевозке минимальны.

Миллион переселенцев предполагается перевести, по сообщению петербургских газет, из Европейской России на Амур. В виду весьма скорой реализации означенного предположения и оектрируются сибирские работы: по устройству в кд ирригации и сооружению различного типа железных путей.

Осмотр маслодельных заводов. «Сиб. Лис.» сообщает, что инструктором Яценко составил Таванского уезда Яценко составил отчет об осмотре маслодельных заводов в Тюванском уезде. Картина, им изображенная, представляет маслодель в этом районе в крайне неприглядном виде по своим техническим и санитарным условиям. Такие же свидения собираются и по другим уездам губернии в целях накопления материала для фактического доказательства необходимости в самом непродолжительном времени принят серьезных мер к урегулированию этой новой в Сибири промышленности.

Американская кружачка во Владивостоке. «Дал. Вост.» сообщает, что не смотря на дешевизну в Харбине маньчжурской пшеницы и существование там довольно солидных мукомольных мельниц, — маньчжурская кружачка не может еще пока вытеснить во Владивостоке американскую, несмотря на то, что цены на последнюю в последнее время заметно повысились.

Увольнение в запас нижних чинов. «Д. В.» сообщает, что на днях послдано распоряжение об увольнении в запас армии с 25 его октября нижних чинов 1-го Уссурийского желвзнодорожного батальона.

По поводу художественных выставок в Сибири одна из инициаторов последних художников М. Педанешко-Третьякова письмом в редакцию «Русск. Вид.» сообщает следующее:

В статье сибирской художественной выставки, помеченной № 281-м. Русск. Вид. автор, отнесшись очень сочувственно к ней и указав на ее практические и материальные успехи в г. Томске, желает пожелать, чтобы современное образованное общество художников с целью устройства ежегодных передвижных выставок для Сибири. Считаю долгом сообщить, что такое общество уже существует с 1908 года и возмуженное его было отведено профессором степной и провинциальной школы. Вспомогательные собрания уредителей были выработаны устав, Общество сибирских передвижных выставок», находящийся на рассмотрении

министерства; по полученным свидениям, в непроходимом времени ожидается его утверждение. Членом-уредителем назначаются уже до этого и в настоящее время поступают еще заявления о желании членом выставочного комитета Общества в виду слияния большого района передвижных выставок.

Пожар в Иркутске. В настоящее время Каратуз находится в положении, так сказать, «сушеюлой охрани»: каждую ночь село охраняется «патрулями» — конными и пешими — из 2-3 человека. Количество людей, участвующих в охране, достигает 16 человек, тогда как в обыкновенное время село охраняется — в сятая караульных частях лиц — 3-4 обходчика; причина, вызвавшая такую усиленную охрану, — боязнь вест конкоратов.

Ведомо эпидемия конкоратов распространилась по нашему уезду и сарытауту, вливая время от времени несколько убитых. Крыденные лошади или «в собиты», «в татары», в сосание уезды; часто лошади отнимались, но розмек их обходчики, приблизительно, в 1/4 стоимости лошади — приходилось вступать в соглашение с «ворскими нагами» и тогда за вывешенный куш лошадь возвращалась. Полная безнаказанность дала конкоратов нахальство до крайности. Случалось, что, укрыв лошадь и спрятав ее в укромное место, конкораты заставляли с погнутыми — пусть, дескать, хозяин берет такой-то выкуп, тогда и лошадь погнуты. И должно было по-терпеть — раз уж хотел возвращать лошадь — собирать последние гроши (я говорю о крестьянах, которые и являются главными объектами жертвами конкоратов) и вест ия вест эти горы воронских нагам, да еще угнать их водкой — «чагарить» пить.

Вышло и так потерпевший отдался деньги и его «суданом забравать», т. е. обидная лошадь «предоставить», но — только обидная. По предвзвешенным конкоратов, и розмек лошадей законным порядком крп отомкисли скитались. Но горе было тем, кто из них (конкоратов), которые попадали на вест предстали под караванную руку крестьян: ведь нами размырзались самостя, настолько страшный самостя, что при рассказе о вест слушателям невольно «оторвать береть»; конкораты извоились порой до смерти (в большинстве таких случаев они попадали в разряд «бел вест провинциаль») или же, по крайней мере, до полу-смерти. Иногда, когда так или иначе самовольная расприра возмалла наружу, крестьяне предавали суду; так, напр., в последнюю выездную сессию Красноарского окруж. суда (в сентбрю) в Мулунский разбаролов одно из подобных дел — привлеклось к ответственности свыше 20 человек по обвинению в убийстве конкоратов. Но и больш «ответа» не могла вынести самостя... Помимо самостя на

дверь из корридора, запертого с котенком? Ступ... Водити... «Не ухватя? С трудом узнал. Да, да, он встретился с нем случайно на конк. У неа не хватило денег, и он залпал за нее 8 коп... Она красива, но на вид казалась-то строгая, недоступная. Уличные лодовки на последние бы подоить к ней на улице. Гордая женщина: отдала по лбу, соломенная шляпа, легкая кофточка, черная перчатка с прованскими пальцами... Она замла возмратит 8 коп. Но... она извинилась — объяснила, она снова побила... — Ничего, ничего! Она просит ее посядть у него тоска, а он тогда так интересно разговаривал на конк! Она согласна, сияется кофточкой... А Григорьев! — Вот редкуюю вам! — замстро, будуща знаменитый, играет по 22 часа в сутки, два часа спит и сит злуками... — Будет как сбегать, — конфутен Григорьев! — Малогазур до 67 лет играл управление. Вы ничего не понимаете в музыке. Скрипка, влад, не утго. День, два не пованялись, и то ука, не то... Это — любящийый эпизодический тип «стученная скрипка», достойное столкнуть «сдоборотов»... Скрипка требует постоянного управления, — говорит он, при второк своем извинении, — а тут приходится играть по уркам. Ученика — дубе. Музыка никто не ухватяет... Григорьеву нужно что-то сказать Федору по секрету. Они выходят. «Неизвистая» остается одна. Отпавываясь, торжонно и жалко вырывается на сирь и кобосу, а несколько кусочек хлеба прчет в карман. Вомедий Федоров замлтил. Пораженный, замочал и сконфулился... — Я хотья... Тут у наших конкоратов стоял так несчастный... В сущности, она сама странно толдела. — Я страшно хочу чаю... и вст хозу... Сейчас сдвела одлу бутерброд... можно? — Вот, вст... Начинает чувствовать себя кором: тепло и сыто. Развывается и жмет ему руку: — вы порядочный человек! Она вскакивает. Теперь она лонял! — Я не люблю жить, не переживаю ее — вы женщинами. Лучше право! Это честнее. Вот вам 5 рублей... Я не настолько глуп, — Что? Вы... Вы... (бросает монету). — Ну, теперь ближе не придет, — бурчить ои встать ее, убавляем.

Вторая картина начинается с того, что она пришла снова. Федорова вст дома. «Неизвистая» хочет оставить занеску. Но, встия, она является. Она не ожидала: вероятно,

она тогда не так поняла ее, она потому раскисалась. Она несчастна? Нельзя, ведь, в летний костюм в такую погоду ходить!.. Она снова пользуется случаем: пить чай и вст, и вст... Она смотрит на все это покровительстве!.. Она, чтобы разбить такое настроение, болтает... Как-то возмужали... Федоров (выходя из себя). Поступайте, скажите мне право: кто вы? Зачем вы ходите по мне? Это вам нужно от меня? «Неизвестная» блбднела, горло встало, по сдерживается и говорит: да: вы ит принесли... Федоров. Видеть! Видеть! Какое так впечатление! Вы думаете меня удручат, своим благодарным безоростями. Так знайте, что а вам не впр! Вы ходите по мне с целью солдос по шой, денег не берете, потому что это может повредить вашей цели... Вы противны мне... Уходите.

Она, наконец, признается: — Мне хотелось. Ити некуда... Грубиян пришел... Грбднел... Такова разв, и разгадка маленькой драмы вт «№ 13», содержание которой повторяется во всех границах повнех сточных неблпрованских коммат. Только так часто такая драма с «неизвестными» героинями остаются без разгадки, и почти всегда разгадка бывает другая. Не даром и здесь таинственная гостя «сибирской богемы», что посл случайной личной истрии с робким ступом лондальств у двери приблывающего злопачки.

Этот тип, который «холодно» и ити «некуда». Он попросту «грбднел» приотлет, с трепетной надеждой на милость и доброту случайного человека: вст тв, кого он хорошо знает — слышит не милостивым и слышит не добры был к ним, несчастным дочерям удачи... Но зачт он «предоставляет»? — Лучше пришли бы и все право сказали бы. И поступили бы иначе, — лепечет в свое оправдание Федоров.

— Неправда! — возражает она резко и убежденно. Федоров. Пожалуй... (показывая). Ко ж вы промолгу его обратится товарищ... Пришель и скажет прямо, что он голодает. Я дал ему рубль и велел швейнару говорить, что моя вст дома... Эти последние строки новой байронической драмы — беззащитно-правдивый отрывок из нашего галереяного житейства. Разв не так оно бывает постоянно, когда голодные «говорят» прямо? («Дес. Нов.»)

Корреспонденция.

Меры против конкоратов.

В настоящее время Каратуз находится в положении, так сказать, «сушеюлой охрани»: каждую ночь село охраняется «патрулями» — конными и пешими — из 2-3 человека. Количество людей, участвующих в охране, достигает 16 человек, тогда как в обыкновенное время село охраняется — в сятая караульных частях лиц — 3-4 обходчика; причина, вызвавшая такую усиленную охрану, — боязнь вест конкоратов.

Ведомо эпидемия конкоратов распространилась по нашему уезду и сарытауту, вливая время от времени несколько убитых. Крыденные лошади или «в собиты», «в татары», в сосание уезды; часто лошади отнимались, но розмек их обходчики, приблизительно, в 1/4 стоимости лошади — приходилось вступать в соглашение с «ворскими нагами» и тогда за вывешенный куш лошадь возвращалась. Полная безнаказанность дала конкоратов нахальство до крайности. Случалось, что, укрыв лошадь и спрятав ее в укромное место, конкораты заставляли с погнутыми — пусть, дескать, хозяин берет такой-то выкуп, тогда и лошадь погнуты. И должно было по-терпеть — раз уж хотел возвращать лошадь — собирать последние гроши (я говорю о крестьянах, которые и являются главными объектами жертвами конкоратов) и вест ия вест эти горы воронских нагам, да еще угнать их водкой — «чагарить» пить.

Вышло и так потерпевший отдался деньги и его «суданом забравать», т. е. обидная лошадь «предоставить», но — только обидная. По предвзвешенным конкоратов, и розмек лошадей законным порядком крп отомкисли скитались. Но горе было тем, кто из них (конкоратов), которые попадали на вест предстали под караванную руку крестьян: ведь нами размырзались самостя, настолько страшный самостя, что при рассказе о вест слушателям невольно «оторвать береть»; конкораты извоились порой до смерти (в большинстве таких случаев они попадали в разряд «бел вест провинциаль») или же, по крайней мере, до полу-смерти. Иногда, когда так или иначе самовольная расприра возмалла наружу, крестьяне предавали суду; так, напр., в последнюю выездную сессию Красноарского окруж. суда (в сентбрю) в Мулунский разбаролов одно из подобных дел — привлеклось к ответственности свыше 20 человек по обвинению в убийстве конкоратов. Но и больш «ответа» не могла вынести самостя... Помимо самостя на

дверь из корридора, запертого с котенком? Ступ... Водити... «Не ухватя? С трудом узнал. Да, да, он встретился с нем случайно на конк. У неа не хватило денег, и он залпал за нее 8 коп... Она красива, но на вид казалась-то строгая, недоступная. Уличные лодовки на последние бы подоить к ней на улице. Гордая женщина: отдала по лбу, соломенная шляпа, легкая кофточка, черная перчатка с прованскими пальцами... Она замла возмратит 8 коп. Но... она извинилась — объяснила, она снова побила... — Ничего, ничего! Она просит ее посядть у него тоска, а он тогда так интересно разговаривал на конк! Она согласна, сияется кофточкой... А Григорьев! — Вот редкуюю вам! — замстро, будуща знаменитый, играет по 22 часа в сутки, два часа спит и сит злуками... — Будет как сбегать, — конфутен Григорьев! — Малогазур до 67 лет играл управление. Вы ничего не понимаете в музыке. Скрипка, влад, не утго. День, два не пованялись, и то ука, не то... Это — любящийый эпизодический тип «стученная скрипка», достойное столкнуть «сдоборотов»... Скрипка требует постоянного управления, — говорит он, при второк своем извинении, — а тут приходится играть по уркам. Ученика — дубе. Музыка никто не ухватяет... Григорьеву нужно что-то сказать Федору по секрету. Они выходят. «Неизвистая» остается одна. Отпавываясь, торжонно и жалко вырывается на сирь и кобосу, а несколько кусочек хлеба прчет в карман. Вомедий Федоров замлтил. Пораженный, замочал и сконфулился... — Я хотья... Тут у наших конкоратов стоял так несчастный... В сущности, она сама странно толдела. — Я страшно хочу чаю... и вст хозу... Сейчас сдвела одлу бутерброд... можно? — Вот, вст... Начинает чувствовать себя кором: тепло и сыто. Развывается и жмет ему руку: — вы порядочный человек! Она вскакивает. Теперь она лонял! — Я не люблю жить, не переживаю ее — вы женщинами. Лучше право! Это честнее. Вот вам 5 рублей... Я не настолько глуп, — Что? Вы... Вы... (бросает монету). — Ну, теперь ближе не придет, — бурчить ои встать ее, убавляем.

Вторая картина начинается с того, что она пришла снова. Федорова вст дома. «Неизвистая» хочет оставить занеску. Но, встия, она является. Она не ожидала: вероятно,

она тогда не так поняла ее, она потому раскисалась. Она несчастна? Нельзя, ведь, в летний костюм в такую погоду ходить!.. Она снова пользуется случаем: пить чай и вст, и вст... Она смотрит на все это покровительстве!.. Она, чтобы разбить такое настроение, болтает... Как-то возмужали... Федоров (выходя из себя). Поступайте, скажите мне право: кто вы? Зачем вы ходите по мне? Это вам нужно от меня? «Неизвестная» блбднела, горло встало, по сдерживается и говорит: да: вы ит принесли... Федоров. Видеть! Видеть! Какое так впечатление! Вы думаете меня удручат, своим благодарным безоростями. Так знайте, что а вам не впр! Вы ходите по мне с целью солдос по шой, денег не берете, потому что это может повредить вашей цели... Вы противны мне... Уходите.

Она, наконец, признается: — Мне хотелось. Ити некуда... Грубиян пришел... Грбднел... Такова разв, и разгадка маленькой драмы вт «№ 13», содержание которой повторяется во всех границах повнех сточных неблпрованских коммат. Только так часто такая драма с «неизвестными» героинями остаются без разгадки, и почти всегда разгадка бывает другая. Не даром и здесь таинственная гостя «сибирской богемы», что посл случайной личной истрии с робким ступом лондальств у двери приблывающего злопачки.

Этот тип, который «холодно» и ити «некуда». Он попросту «грбднел» приотлет, с трепетной надеждой на милость и доброту случайного человека: вст тв, кого он хорошо знает — слышит не милостивым и слышит не добры был к ним, несчастным дочерям удачи... Но зачт он «предоставляет»? — Лучше пришли бы и все право сказали бы. И поступили бы иначе, — лепечет в свое оправдание Федоров.

— Неправда! — возражает она резко и убежденно. Федоров. Пожалуй... (показывая). Ко ж вы промолгу его обратится товарищ... Пришель и скажет прямо, что он голодает. Я дал ему рубль и велел швейнару говорить, что моя вст дома... Эти последние строки новой байронической драмы — беззащитно-правдивый отрывок из нашего галереяного житейства. Разв не так оно бывает постоянно, когда голодные «говорят» прямо? («Дес. Нов.»)

Второй картины начинается с того, что она пришла снова. Федорова вст дома. «Неизвистая» хочет оставить занеску. Но, встия, она является. Она не ожидала: вероятно,

она тогда не так поняла ее, она потому раскисалась. Она несчастна? Нельзя, ведь, в летний костюм в такую погоду ходить!.. Она снова пользуется случаем: пить чай и вст, и вст... Она смотрит на все это покровительстве!.. Она, чтобы разбить такое настроение, болтает... Как-то возмужали... Федоров (выходя из себя). Поступайте, скажите мне право: кто вы? Зачем вы ходите по мне? Это вам нужно от меня? «Неизвестная» блбднела, горло встало, по сдерживается и говорит: да: вы ит принесли... Федоров. Видеть! Видеть! Какое так впечатление! Вы думаете меня удручат, своим благодарным безоростями. Так знайте, что а вам не впр! Вы ходите по мне с целью солдос по шой, денег не берете, потому что это может повредить вашей цели... Вы противны мне... Уходите.

Она, наконец, признается: — Мне хотелось. Ити некуда... Грубиян пришел... Грбднел... Такова разв, и разгадка маленькой драмы вт «№ 13», содержание которой повторяется во всех границах повнех сточных неблпрованских коммат. Только так часто такая драма с «неизвестными» героинями остаются без разгадки, и почти всегда разгадка бывает другая. Не даром и здесь таинственная гостя «сибирской богемы», что посл случайной личной истрии с робким ступом лондальств у двери приблывающего злопачки.

Этот тип, который «холодно» и ити «некуда». Он попросту «грбднел» приотлет, с трепетной надеждой на милость и доброту случайного человека: вст тв, кого он хорошо знает — слышит не милостивым и слышит не добры был к ним, несчастным дочерям удачи... Но зачт он «предоставляет»? — Лучше пришли бы и все право сказали бы. И поступили бы иначе, — лепечет в свое оправдание Федоров.

— Неправда! — возражает она резко и убежденно. Федоров. Пожалуй... (показывая). Ко ж вы промолгу его обратится товарищ... Пришель и скажет прямо, что он голодает. Я дал ему рубль и велел швейнару говорить, что моя вст дома... Эти последние строки новой байронической драмы — беззащитно-правдивый отрывок из нашего галереяного житейства. Разв не так оно бывает постоянно, когда голодные «говорят» прямо? («Дес. Нов.»)

Второй картины начинается с того, что она пришла снова. Федорова вст дома. «Неизвистая» хочет оставить занеску. Но, встия, она является. Она не ожидала: вероятно,

она тогда не так поняла ее, она потому раскисалась. Она несчастна? Нельзя, ведь, в летний костюм в такую погоду ходить!.. Она снова пользуется случаем: пить чай и вст, и вст... Она смотрит на все это покровительстве!.. Она, чтобы разбить такое настроение, болтает... Как-то возмужали... Федоров (выходя из себя). Поступайте, скажите мне право: кто вы? Зачем вы ходите по мне? Это вам нужно от меня? «Неизвестная» блбднела, горло встало, по сдерживается и говорит: да: вы ит принесли... Федоров. Видеть! Видеть! Какое так впечатление! Вы думаете меня удручат, своим благодарным безоростями. Так знайте, что а вам не впр! Вы ходите по мне с целью солдос по шой, денег не берете, потому что это может повредить вашей цели... Вы противны мне... Уходите.

Она, наконец, признается: — Мне хотелось. Ити некуда... Грубиян пришел... Грбднел... Такова разв, и разгадка маленькой драмы вт «№ 13», содержание которой повторяется во всех границах повнех сточных неблпрованских коммат. Только так часто такая драма с «неизвестными» героинями остаются без разгадки, и почти всегда разгадка бывает другая. Не даром и здесь таинственная гостя «сибирской богемы», что посл случайной личной истрии с робким ступом лондальств у двери приблывающего злопачки.

Этот тип, который «холодно» и ити «некуда». Он попросту «грбднел» приотлет, с трепетной надеждой на милость и доброту случайного человека: вст тв, кого он хорошо знает — слышит не милостивым и слышит не добры был к ним, несчастным дочерям удачи... Но зачт он «предоставляет»? — Лучше пришли бы и все право сказали бы. И поступили бы иначе, — лепечет в свое оправдание Федоров.

Письмо к Ротшильду.

(Из Вавилона жизни).

Каждый раз, когда из мам приходили «гости», маленькое сердце Ваня скивалось от глупой злобы. Она всегда была пьяная, लेकर ругалась, вляла и кричала. А мама старалась их угодить и скивалась. Ваня хорошо знала, что мам грустно, очень грустно, а она скивалась. Он ситно понимал, что так нужно, чтобы не рассердить гостей. Если мама не будет скиваться, не будет пить пива и пить водку, то «гости» — рассердятся и у мамы не будет денег. А он еще вчера хотля купить ему сапоги, но у ней не было денег. Ваня уже третий день не ходит к своему старому учителю и напроле он уже сердится — он очень любит Ваню. Ваня лучше всего читает и пишет и старый учитель всегда ставит его в пример другим мальчикам. А теперь Ваня не ходит — у него нет сапогов. А у мамы совсем нет денег и сегодня на обеду она дала ему только дв карманы. И Ваня голоден.

Сегодня вечером мама куда-то ходила с своей подругой, которая живет у них и часто бьет Ваню, в погоню они промла с этими пьяницами. Ваня понял, что завтра у мамы будут деньги. Это уже всегда так бывало и он это хорошо знает. И теперь мама отвела Ваню в чуланчик за маленькую досочку перегородки, зажгла ему свечку, дала хлеба, много хлеба и велела молчать! А завтра она обидна ему купит сапоги и он опять может идти к старому учителю.

Но Ваня обидно. Он так кричат, — эти пьяные. И зачт они заставляют маму пить водку? Мама скивается и пьет и у ней такие некормые глаза. Ваня не любит ее такой. Он знает, что это не хорошо, но разв он виноват, что у ней такие глаза и от неа так неприятно пахнет водкой. Зачт всегда, когда мам вынули деньги, приходят эти пьяные.

Ваня хочется плакать. И он не хочет есть большого хлеба. Вон очень, очень хочется вст; но он не будет, не будет. На залот этих пьянчиков, которые привели большой хлеб, Ваня забивается в угол и, закрывшись в старое одеяло, — думает. Свечка тускло освещает чуланчик. По стенам блгаются наит-то страныя, черныя тня. За перегородкой раздается пьяные голоса. Среди них Ваня слышит голоса мамы. Иногда этот голос, который бывает такой ласковым и хо-

лодно. К маме не будут ходить пьяные гости. Ваня старательно водит пером по бумаге. Перо старое и очень скрипит, но за шумом его не слышно. — Моя мама такая обидная пишет Ваня — и бьет хлеб маму, приносит только пьяные гости. А они ругаются и кричат и и... — про дрожат у Ваня в руках. Пальцы скиваются ему горло и он плачет. Слово большими пятнами расплывается по бумаге. Ваня быстро глотает слезы. Господи! Ротшильд может не разобрат письма.

Ваня снова пишет, старательно выводит буквы. Перо скрипит и бждет жалким. Свеча почти догорела. Мысли путаются в голове Ваня. Ослепавшая рука едва удерживает ручку. Глаза слипаются. Голова безвольно падает на бумагу и Ваня засыпает.

И снится маленькому Ване сон. Вдруг приходит к его маме господи Ротшильд. На нем совсем новые сапоги. Он такой веселый, добрый и от него не пахнет водкой. Вт одой руке он держит большой хлеб, а в другой красную шапку. Одну из тх, в которых у него слыты деньги. И все это он отдает маме. И мама сейчас же выгоняет пьяных гостей и покупает ему сапоги.

Мамы, милый господи Ротшильд, печатать по сй Ваня.

